

VORZHETSOV Aleksandr Grigor'evich, *Dr.Sci. (Philos.)*, Professor of the Chair of State, Municipal Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University (68 Karla Marksa St, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420015; vag41@list.ru)

RUSSIAN SOCIO-POLITICAL FORKS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article considers social and political forks in Russia in the period from 1905 to 1917. The author pays a special attention to the analysis of events in 1917, when the country was at the fork in two ways of socio-political development – liberal-reformist and proletarian-revolutionary ones and reveals peculiarities and consequences of the February and October revolutions of 1917 in Russia. The author tries to answer the discussion question: «Are the February and October Revolutions of 1917 in Russia two types of revolution or two stages of one revolution?»

Keywords: socio-political forks, revolution, reform, liberal and socialist parties, Provisional Government, Constituent Assembly

АСОНОВ Николай Васильевич – доктор политических наук, академик АПН, профессор кафедры политологии и социологии Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; nbassonov@yandex.ru)

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРОДУКТ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕВОЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ НОВОГО ТИПА ГРАЖДАНСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩНОСТИ

Аннотация. Данная статья раскрывает леворадикальную сущность политической идеологии либерализма, проявлявшей себя в левоекстремистской форме захвата власти и спровоцировавшей Первую мировую войну и революционные события 1917 г. в России, ибо только подавление монархии в России могло открыть путь к установлению нового типа гражданской и религиозной общности в других странах.

Ключевые слова: Февральская революция, история, Россия, идеология, левый радикализм, левый экстремизм, либерализм

Политическая наука знает два противоположных типа радикализма. В зависимости от выбранного идеала они подразделяются на правый и левый. Если правый радикализм борется за сохранение или реставрацию традиционной модели управления, то идеология левых преследует иную цель. Она доказывает, что совершенное социально-политическое устройство ждет нас впереди, вызревая в недрах старой формации. Именно к такому типу левого радикализма относится мысль о строительстве «морального сообщества», способного «выковать для всех наций новый мировой порядок, намного более прочный и безопасный, чем любой, какой нам до сих пор известен» [Киссинджер 2015: 409–410].

Характер используемых способов, ведущих к достижению поставленного идеала, делит радикализм на умеренный, стремящийся мирным путем получить вотум доверия от власти и общества, и крайний, идущий к намеченной цели через революции и войны. Это и есть экстремизм (*extremus* – крайний). Он также делится на правый и левый. Однако левый экстремизм умело сочетает вооруженную борьбу с принципом двойных стандартов, до поры пряча свои реальные

ценности и цели под маской патриотизма. Понимая, что любая власть не может носить идеальный характер, левая оппозиция видит свою ближайшую цель в том, чтобы тайно вредить неугоднему режиму и подавать обществу его ошибки как закономерное явление. Здесь трудно надеяться на победу в борьбе со скрытым врагом, наносящим удары в спину. Поэтому разговор о том, что самодержавие в России к 1917 г. себя изжило и не могло устоять «даже при фантастически благоприятных условиях» [Ковалев 2008: 173], надо считать идеологическим выпадом его противников.

Разобраться в этом попробуем, обратившись к логике исторических событий. Пока в Европе держалась христианская система организации власти и общества, представители всех видов бизнеса занимали самую низшую ступень в иерархии социальных статусов. Христианство считало сребролюбие корнем всех зол, призывая иметь «нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть»¹. По этой причине вместо денег главным универсальным товаром стала земля (феод) и система натурального хозяйства. Люди освобождались от развешивающих нравственность рыночных отношений, а все управление находилось в руках светских и духовных феодалов. Сопrotивление им считалось восстанием против «Божия установления», и буржуа были поставлены в двойную зависимость, будучи вынуждены отдавать до половины своих доходов в пользу сеньора и церкви.

Благоприятная обстановка для них стала складываться на западе Европы в VIII в., когда Каролинги в союзе с папами решили освободить себя от политической и религиозно-культурной опеки Византии. Альтернатива ей была найдена в обращении к прошлому Первого, а не Второго Рима. Сначала это привело к появлению Священной Римской империи, а затем спровоцировало раскол церкви в 1054 г. и создание на западе своих университетов. В их стенах неприязнь к православию стимулировала интерес к римской культуре, что в свою очередь с конца XIII в. ввело католический мир в эпоху Ренессанса. Его отличие от византийского Возрождения заключалось в частичной реанимации ценностей и целей античного мира в римской трактовке. Вбирая в себя его культуру, Запад все больше «привязывался» к материальным благам, а вместе с ними все больше попадал в финансовую зависимость от тех, кто выступал посредником между производителем и потребителем благ. Став кредиторами светской и духовной власти, торгово-ростовщические круги заметно богатели, их социальная значимость росла, но социальный статус все еще был низок. Они по-прежнему входили в третье податное сословие и не имели прямой власти, что лишало их возможности получать сверхприбыль.

Радикально положение в пользу буржуазии изменилось в XVI в., когда в ходе Реформации духовные феодалы Северной Европы вслед за властью потеряли богатства и земли, значительная доля которых перешла в руки бизнесменов. Подрыв авторитета церкви помог снять «клеймо проклятия» с буржуазии. Но в борьбе дворян с духовенством третье сословие, играя вспомогательную роль, не могло надеяться на политическое господство. Чтобы его получить, его надо было сначала теоретически обосновать. Такое обоснование в XVII–XVIII вв. дал либерализм. Осудив государственное устройство христианства, он отсек от фундаментальных понятий греховности и святости, мешавших накоплению капитала. Индивид был признан высшей ценностью. Социально-политические свободы также стали рассматриваться как высшая ценность, данная индивиду с рождения. Признание формального (юридического) равенства отринulo сословность как явное зло, подавляющее свободу индивида и лишшающее его неких естественных прав. Вместо учения о деградации человечества, ведущей в царство Антихриста,

¹ Писание к Евреям Святого Апостола Павла: 13; 5.

утверждалась вера во всеобщий прогресс и построение нравственного общества. Успех прогресса ставился в зависимость от морально-религиозной терпимости, антитрадиционализма, рационализма и антиэтатизма, требующего ослабить контроль государства над бизнесом, сведя его отношения с индивидом до уровня договорных. Церковное право должно уступить место светскому, признав справедливость правового государства и гражданского общества, либеральной схемы разделения властей, включающей в себя принципы многопартийности, конституционализма и парламентаризма, дающих простор свободной конкуренции во всех сферах общественной жизни.

Принять к реализации подобный «сатанинский проект» христианская власть европейских государств не могла и встала на путь укрепления абсолютизма. В этих условиях мирный переход всей власти в руки крупного капитала был невозможен. Оставался только один путь — путь левого экстремизма. Добиться данной цели буржуазия могла, опираясь на экономическую группу ресурсов, которыми она почти целиком завладела в ходе Реформации и последующего обнищания дворянства. К этому времени уже не земля, а деньги стали универсальным товаром. Они открывали доступ к другим ресурсам власти и к бюрократическому аппарату. Используя эти преимущества, крупная буржуазия в период Нового времени, развязав революции и войны, сумела победить в ряде западных государств.

Но эти успехи к концу XIX в. носили половинчатый характер. Ведь на другом политическом полюсе ей противостоял мощный блок имперских стран, размеры которых и общий военно-экономический потенциал обеспечивали им внутреннюю стабильность и успешное движение вперед, что перечеркивало мечты либеральной буржуазии о господстве над миром. Из этой ситуации у нее было два выхода. Во-первых, развить в имперских странах деятельность всех оппозиционных сил, способных расшатать внутренний мир, и навязывать им через доверенных лиц свою схему поведения. Во-вторых, предотвратить появление нового Священного союза, созданного в сентябре 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией для защиты христианских монархий и подавления «мятежного революционного духа».

К 1830 г., разыграв «русскую карту», этот Союз удалось развалить. Страх перед «русской угрозой» переселил у монархов Европы страх перед собственной либеральной буржуазией и укрепил ее политические позиции как союзника власти. Это обстоятельство в 1887 г. привело к распаду и «Союз трех императоров», созданный «в интересах мира» в 1873 г. Отныне главный интерес военных коалиций свелся к личным геэкономическим выгодам. Отставка Бисмарка в 1890 г. похоронила также надежду и на сохранение русско-германского союза. Антигерманские настроения русских правых во главе с Катковым были использованы русскими левыми для сближения с Францией, а затем и с Англией, за которой стояли корыстные интересы США.

Быстрый рост влияния их капитала и ценностно-целевых установок на общественное сознание и российскую власть привел к реализации двух левоэкстремистских проектов. С одной стороны, либеральные страны, объединившись в Антанту, втянули в свой союз Россию и, получив с ее помощью решающий перевес над Четверным союзом, столкнули в 1914 г. великие монархии друг с другом. С другой стороны, политизация российского общества шла одновременно с активным размыванием православно-монархических устоев. Революционная ситуация 1905 г. вынудила власть действовать с оглядкой на своих новых союзников и отринуть православное понимание государства, власти и общества, закрепленное в Афинской синтагме.

Николай II встал на путь уступок левой оппозиции и перестал быть самодержцем. Глава I указа об утверждении Основных государственных законов

давала понять, что с 1906 г. «император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думою». А в главе IV прямо говорилось: «...законопроекты, не принятые Государственным советом и Государственной думою, признаются отклоненными»¹. Значение этого документа оказалось так велико, что в научных кругах он стал трактоваться как акт конституционного значения.

Царь уже не мог создать ни одного политического органа, работающего на укрепление православной монархии. Более того, он отказался от союза с «черносотенцами», готовыми положить на алтарь православия, самодержавия и народности свою жизнь. Не случайно в споре П.А. Столыпина и Н.Е. Маркова, представлявшего «Союз Михаила Архангела», победила позиция П.А. Столыпина, призвавшего строить не Святую Русь, как того требовал Марков Второй, а Великую Россию. Этот призыв был весьма выгоден левой оппозиции, составлявшей на тот момент думское большинство. Ведь левые строились не с духовным, а материальным обогащением, вписанным в идейный контекст западных либералов и марксистов, в прогнозах которых важное место уделялось созданию Соединенных Штатов Европы, а не союзу христианских монархий. Уверенность в своих силах позволила левым экстремистам устами лидера кадетской фракции П.Н. Милюкова обвинить 1 ноября 1916 г. правых в измене и фактически потребовать отстранения царя от власти.

Об угрозе подобного переворота в 1915 г. докладывал царю ненавидимый Милюковым министр МВД Н.А. Маклаков. В своем докладе он подчеркивал: «...то направление, которое принимает Ваше правительство, скоро приведет нашу родину к тяжким испытаниям. Государь. Сила, власть и влияние сейчас в руках людей частью до изумления равнодушных к судьбам России, частью политически изменчивых». Но Николай II предпочитал назначать на ведущие посты лиц, умеющих «договариваться» с думским большинством, и отстранил от дел этого недипломатичного генерала. В начале декабря 1916 г. Н.А. Маклаков в последний раз умолял царя разогнать Государственную думу и совершить переворот, поставив у руля правления верных православной монархии лиц. Об этом же писал царю накануне 1917 г. и великий князь Александр Михайлович, утверждая, что «правительство есть сегодня тот орган, который подготовляет революцию... и вполне в этом успеваает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»². Но все эти призывы остались без последствий.

Сконцентрировав в своих руках решающую долю ресурсов власти, включая поддержку международной буржуазии, левоекстремистская оппозиция перешла в конце февраля 1917 г. в наступление, и самодержавие легко рухнуло. В России на короткий срок победил либеральный тип гражданской и религиозной общности. Вслед за ней схожий тип общности утвердился в странах Четверного союза, обреченных на поражение в Первой мировой войне. Таким образом, мы можем предположить, что успех данной революции зависел не от наличия революционной ситуации, а от умения оппозиционных сил легализовать свои действия и овладеть ресурсами власти, направив их на реализацию своих политических интересов.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644 «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. М.: Юридическая литература. Т. 9. 1994. С. 45, 51.

² Письмо вел. кн. Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. – *Архив русской революции*. В 22 т. М.: Терра; Политиздат. Т. 5-6. 1991. С. 336.

Список литературы

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок*. М.: АСТ. 512 с.

Ковалев В.А. 2008. Новации в российской политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 166-173.

ASONOV Nikolai Vasil'evich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Full member of the Academy of Political Science, Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 M. Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; nbassonov@yandex.ru)

FEBRUARY REVOLUTION AS A PRODUCT OF REALIZATION OF THE EXTREME-LEFT IDEOLOGY OF BUILDING A NEW TYPE OF CIVIL AND RELIGIOUS COMMUNITY

Abstract. *The present article discloses the left-wing nature of the political ideology of liberalism, which manifested itself in the extreme-left form of take-over. It provoked the First World War and the revolutionary events of 1917 in Russia, for only the suppression of the monarchy in Russia could open the way for the establishment of a new type of civil and religious community in other countries.*

Keywords: *February revolution, history, Russia, ideology, left-wing radicalism, extreme-left politics, liberalism*

ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, корп. «Шуваловский»; vasilenko.irina@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные особенности русской революции 1917 г. как отражение кризиса русской культуры. Автор считает, что духовные и культурные причины, которые привели к революции 1917 г. в России, были уникальными и чисто русскими. Русская революция как коренной слом традиционного уклада жизни и культурной традиции стала возможной только потому, что из повседневной жизни людей ушли традиционные устои, которые расшатал нигилизм, охвативший вначале интеллигенцию, а потом и народ. В статье обосновывается вывод, что трагический опыт русской революции 1917 г. показал необходимость глубокого осознания всеми политическими, общественными и культурными силами страны уроков этих исторических событий. И главный из этих уроков в том, чтобы бережно хранить национальную историческую память, ценить духовную культуру народа, укреплять нравственные основы жизни общества, не допуская духовных расколов и катастроф.*

Ключевые слова: *русская революция, историческая память, духовная культура, духовный раскол, нравственные устои общества.*

В этом году мы отмечаем столетие русской революции 1917 г., и эта знаменательная дата вновь вызвала оживленные политические дискуссии о ее роли и значении в мировой и российской истории.

С самого начала важно подчеркнуть, что онтологический и социокультур-